

Правдивые истории
из практики студентки
ветеринарного фельдшера

Доктор, он уже ел полотенца

- ✓ кошки и собаки
- ✓ экзоты
- ✓ птицы и дикие
- ✓ лошади
- ✓ люди

...и те, кто
не говорит
на нашем языке

заметки
из разных миров
ветеринарии

я не
ветеринар.
Я учусь.
Я наблюдаю.
Я рядом.

лучший
ассистент
(пока)

Ли́ка Кракович

Иногда смешно.
Иногда грустно.
Всегда по-настоящему.

Ли́ка Кракович

Доктор, он уже ел полотенца

<https://litres.ru/74325469>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лабрадор съел полотенце, попугай записал хозяйку в супруги, кролик молча терпит сильную боль, а полтонны арабской кобылы решили проверить, сколько людей способны не спать еще одну ночь. Ли́ка Кракович собрала истории врачей, работающих с кошками и собаками, птицами и рептилиями, дикими животными и лошадьми. Получилась тёплая, смешная и иногда грустная книга не только о пациентах, но и о людях, которые любят их, ошибаются, надеются и учатся слушать тех, кто не умеет объяснить, где болит.

Ли́ка Кракови́ч Доктор, он уже ел полотенца

Доктор, он уже ел полотенца

Истории, которые ветеринары рассказывают после смены

Ли́ка Кракови́ч

Примечание автора

Я не ветеринарный врач. Эта книга — литературная обработка историй, которые мне рассказывали несколько ветеринаров разных специальностей, случаев, увиденных рядом с клиниками и центрами помощи животным, и семейных историй о собственных питомцах.

Чтобы реальные люди не превращались в каталог узнаваемых прототипов, врачи получили литературные имена. Давид работает главным образом с кошками и собаками, Амир — с птицами, рептилиями, мелкими и дикими животными, Яэль — с лошадьми. Некоторые главы объединяют несколько сходных случаев; изменены имена животных, места, время и отдельные обстоятельства.

Диагнозы, назначения, операции и решения в этих историях принадлежат ветеринарным врачам. Возможные ошиб-

ки пересказа принадлежат автору. Книга не является медицинским руководством и не заменяет консультацию специалиста.

Все совпадения с конкретными людьми, клиниками и точными обстоятельствами случайны. Уважение к тем, кто лечит животных, — не случайно.

Содержание

Пролог. Ничего особенного

Часть Первая. Пациент Приходит С Человеком

1. Йоркшир подаёт жалобу
2. Передозировка русалочкой
3. Кролик, который молчал
4. Марсик за сорок девять шекелей
5. Все радуются кошачьей моче
6. Кошка выбирает роддом
7. Кот из подпольного бара
8. Померанец рабочей стороной

Часть Вторая. Что Лежит На Полу, То Моё

9. Полотенце номер четыре
10. Рыболовный крючок
11. Нитка за три шекеля
12. Чарли и шашлык
13. Моти и весь салат
14. Шимон и японский шарф
15. Лабрадорский желудочный, выдержанный

Часть Третья. Птицы, Динозавры И Другие Люди

16. Черчилль и пустая сковорода
17. Черчилль женится
18. Кровь на белой стене
19. Семейный бюджет жако
20. Суббота со змеей
21. Хамелеон в ванне
22. Кирюша и полицейские мигалки
23. Три совы
24. Ёжик едет к бабушке
25. Восемьсот открытых клювов
26. Эму и пол

Часть Четвёртая. Полтонны Характера

27. Небольшой космодром
28. Белая кобылица под оливой
29. Кобыла говорит «нет»
30. Малика и тридцать метров кишечника

Часть Пятая. Те, Кого Держат Дома

31. Мини читает руководство по дрессировке
32. Тутси, шишка и шампанское
33. Ария, которую невозможно прослушать
34. Один день Долли
35. Памяти Тутси

Часть Шестая. На Границе

36. Мика на трёх лапах
37. Щенок, которого спасли дважды

- 38. Сердце, которое выдали задние лапы
 - 39. Рекс и перекрученный желудок
 - 40. Кот, который посинел
 - 41. Лицо кошки
 - 42. Старая собака и точный наркоз
 - 43. Спина ветеринара
- Эпилог. Ничего особенного, кроме жизни

Пролог. Ничего особенного

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПАЦИЕНТ ПРИХОДИТ С ЧЕЛОВЕКОМ

Ветеринар лечит животное. Разговаривает при этом почти всегда с человеком — существом тревожным, разговорчивым и не всегда готовым признать, куда исчезло полотенце.

1. Йоркшир подаёт жалобу

Давид рассказывал о Бруно как о пациенте, который превращал любое медицинское прикосновение в общественный скандал. Йоркшир не кусался, не вырывался и вообще не совершал ничего, что можно было бы записать в графу «агрессия». Он выбрал оружие значительно сильнее — нравственное осуждение.

Хозяин Бруно, мужчина крупный, серьёзный и украшенный золотой цепью, позвонил в клинику после двух ноч-

ных покашливаний. В ожидании своей очереди он терпеливо пропускал тяжёлых пациентов, но Бруно называл сыном. Бруно, судя по поведению, считал это юридически установленным фактом.

Для электрокардиограммы собаку уложили на бок и прикрепили электроды. Процедура была безболезненной. Бруно издал звук, с которым в старых мелодрамах сообщают о разорении семьи.

— Бруночка, папа здесь, — прошептал хозяин.

Бруно посмотрел на него влажными глазами и застонал ещё глубже.

— Смотрите не на голос, а на тело, — сказал Давид. — Он расслаблен, пульс ровный, лапу не убирает.

Тело подтверждало версию врача. Голос требовал международного расследования.

— Я думал, ты меня любишь, — сказал хозяин собаке.

Если бы рядом находился нотариус, наследство пришлось бы немедленно переписывать.

Когда запись закончилась, Бруно вскочил, бросился к хозяину и одновременно стал лизать ему подбородок и продолжать жалобу. Давид объяснил результаты: ничего аварийного, но небольшие изменения стоит проверить и наблюдать. Слово «небольшие» хозяин услышал. Остальные пришлось повторить. В кабинетах страх часто занимает отдельный стул и требует собственного объяснения.

У двери Бруно заметил карман с лакомствами. Нравствен-

ные страдания прекратились мгновенно. На контроль через месяц он прибежал весёлым, но, увидев стол, замер и тихо застонал заранее.

Серьёзной сердечной болезни у него не нашли. Зато клиника получила подробный отчёт о нарушении прав маленького, но очень влиятельного пациента.

• • •

2. Передозировка русалочкой

Через несколько недель Давид снова увидел Бруно — того самого йоркшира, который однажды превратил безболезненную кардиограмму в заседание международного трибунала. На этот раз Бруно не плакал. Он ворвался в клинику на руках у хозяина бодрым, довольным и совершенно синим.

Посинели язык и дёсны. Голубоватой стала шерсть вокруг пасти. В довершение клинической картины Бруно сходил в туалет тоже синим. Хозяин, человек крупный и обычно весьма убедительный, выглядел так, будто сейчас сам попросит кислород.

— Доктор, у него сердце?

Бруно между тем вертел хвостом и с любопытством осматривал приёмную. Тяжёлая сердечно-лёгочная недостаточность редко сопровождается таким интересом к чужим пакетам. Давид намочил салфетку и провёл по шерсти вокруг пасти. На салфетке осталась ярко-синяя полоса.

Началось расследование. Накануне дочка хозяйки праздновала день рождения. На торте была русалочка с большим

кремовым морем. По показаниям свидетелей, к концу вечера хвост русалочки исчез, уровень океана заметно понизился, а подозреваемый некоторое время находился под столом.

Бруно страдал не от цианоза, а от передозировки русалочкой.

К счастью, в торте были обычный крем и пищевой краситель. Несколько часов йоркшир сохранял цвет тропического моря, а затем вернулся к своему природному оттенку. Давид всё же напомнил семье, что другие компоненты праздничного стола — шоколад, ксилит, алкогольная пропитка, жирный крем и некоторые орехи — могли бы закончить историю гораздо хуже.

— Он понял, что нельзя есть торт? — спросил хозяин.

Давид посмотрел на Бруно. Бруно посмотрел на пакет с лакомствами.

— У нас пока недостаточно данных.

У животных есть замечательная способность заставить взрослых людей бояться худшего, а затем выяснить, что причиной катастрофы был хвост русалочки. Ветеринару в такие минуты требуется не только медицина, но и готовность задать самый неромантичный вопрос: что именно стояло на столе и чего теперь не хватает?

• • •

3. Кролик, который молчал

Сразу после Бруно, который давал показания даже электродам, на стол поставили переноску с совершенно тихим

кроликом.

— Какой спокойный, — сказала хозяйка.

— Поэтому я и волнуюсь, — ответил Давид.

Кролика звали Пашка. Он не отступил, когда открыли дверцу, не понюхал воздух и не попытался выяснить, съедобно ли полотенце на столе. Глаза были чуть прищурены, уши прижаты, усы почти неподвижны. Для человека — несколько мелочей. Для кролика — целый крик.

Хозяйка заметила, что Пашка стал медленнее есть, перестал брать любимое сено и иногда подходил к миске, будто хотел начать, но отходил. Помёт стал мельче.

— Но он же не пищит, — сказала она.

— Кролики редко объясняют боль так, как мы ждём, — ответил Давид. — Они добычные животные. В природе тот, кто слишком заметно болеет, привлекает хищника.

Проблема оказалась в коренных зубах. У кроликов постоянно растут не только передние резцы. Задние зубы тоже должны стачиваться грубой пищей. При нарушении прикуса появляются острые края, которые режут щёку и язык при каждом движении челюсти.

После обследования Пашке скорректировали зубы, обработали повреждения, дали обезболивание и жидкости. Через несколько часов он по-прежнему сидел тихо. Но затем взял травинку.

Сначала просто удержал её губами. Потом начал медленно жевать — с паузами, будто после долгого молчания про-

бывал произнести первое слово.

— Он ест! — крикнула хозяйка так громко, что Пашка остановился.

— Теперь главное — не испугать его хорошей новостью, — сказал Давид.

Бруно жаловался на процедуру, которая не причиняла боли. Пашка не жаловался, хотя каждое движение челюсти было мучительным. Ветеринария быстро отучает судить о страдании по громкости.

• • •

4. Марсик за сорок девять шекелей

Коробка из-под телефона вошла в кабинет в сопровождении девочки, родителей и бабушки. Внутри сидел хомяк Марсик — пожилой джентльмен, который перестал есть семечки.

Марсика принесли в картонной коробке из-под обуви. На крышке девочка нарисовала фломастером три сердечка и написала: «Не трясги, он маленький».

Вместе с хомяком пришла вся семья: девочка, мама, папа и бабушка. Папа держал счёт из регистратуры с выражением человека, который впервые столкнулся с экономикой любви.

Марсик сидел в углу, сложив передние лапы на животе. Один резец отрос слишком сильно и мешал нормально захватывать корм.

— Исправим, — сказал Давид после осмотра.

Папа посмотрел на смету.

— Я купил его за сорок девять шекелей.

В кабинете стало тихо.

— Папа! — сказала девочка.

— Я не против. Я просто считаю.

Это была честная попытка применить арифметику там, где она давно отказалась работать. Животное действительно можно купить недорого. Но наркоз, инструменты, время врача и ответственность не уменьшаются вместе с пациентом. Иногда наоборот: чем пациент меньше, тем меньше у команды запас на ошибку.

Марсика вводили в анестезию газом. Маска была крошечной, движения — точными, инструменты — почти игрушечными. Я подавала салфетки и смотрела, как Давид проверяет каждый шаг дважды. Рядом с хомяком человеческая ладонь выглядела строительной площадкой.

Резец аккуратно укоротили, слизистую осмотрели, затем ждали пробуждения. Девочка каждые несколько минут спрашивала, дышит ли он.

— А сейчас?

— И сейчас.

— А он знает, что я здесь?

На этот вопрос никто не обещал точного ответа.

Когда Марсик зашевелился, папа первым наклонился к коробке.

— Ну что, дорогой ты мой, — сказал он.

Слово «дорогой» наконец получило правильное значение.

При выписке Давид рассказала о контроле веса, кормлении и повторных осмотрах. Мама записывала в телефон. Бабушка задавала вопросы. Девочка держала коробку двумя руками. Папа оплатил счёт и купил в магазине рядом пакет корма, который стоил дороже первого Марсика.

У двери он обернулся к врачу.

— А это часто повторяется?

— Зависит от причины. Наблюдайте, приходите на контроль.

— Придём, — сказал он без всякой арифметики.

Любовь плохо понимает числа. Зато прекрасно умеет стоять у маленькой коробки и каждые три минуты проверять, дышит ли тот, кого когда-то купили за сорок девять шекелей.

• • •

5. Все радуются кошачьей моче

Когда Давид попросил меня вспомнить самый счастливый момент в клинике, я предположила спасённую жизнь, сложную операцию или хотя бы выписку пациента после долгого лечения.

— Моча, — сказал он.

В клинику привезли великолепного голубого британца. Кот был вялым, почти не ел и последние сутки не отходил от лотка. Он садился, тужился, долго сидел, выходил ни с чем и через несколько минут возвращался. Хозяйка успела прочитать интернет и диагностировать ему кардиомиопатию, рак почки и ещё несколько заболеваний, каждое из которых за-

канчивалось прощальным постом.

Проблема оказалась другой: мочеиспускательный канал перекрыл небольшой сгусток. Сам по себе он был крошечным, но в организме размер препятствия определяется не линейкой, а тем, что оно перекрыло. Моча не выходила, пузырь переполнялся, а нарушения электролитов могли быстро стать опасными для сердца.

Коту дали обезболивание, поставили катетер и промыли мочевой пузырь. Затем наступил великий момент. Вокруг мочеприёмника стояли взрослые люди — врач, ассистент, хозяйка — и смотрели на струйку кошачьей мочи с той радостью, с какой обычно смотрят решающий гол в финале чемпионата.

Сам пациент наблюдал за ними с лёгким недоумением. С его точки зрения он просто наконец сходил в туалет. С человеческой произошло маленькое медицинское чудо.

Давид говорит, что профессия быстро перестраивает представления о прекрасном. Нормальная температура становится поводом для праздника. Первый кусочек корма после операции — событием дня. Моча, кал и самостоятельный вдох получают эмоциональный вес, о котором не подзревает человек, пока всё работает.

Британца выписали со специальным кормом и рекомендациями. Хозяйка унесла переноску осторожно, как дипломатический груз. Кот выглядел так, будто считает разговор о собственном туалете недопустимым вторжением в частную

жизнь.

— А вы действительно все радовались? — спросила я.

— Очень, — сказал Давид. — Но без шампанского. Мы всё-таки приличная клиника.

• • •

6. Кошка выбирает роддом

Давид сотрудничал с городской программой стерилизации. Волонтеры привозили уличных кошек: испуганных, обезвоженных, иногда больных и почти всегда уверенных, что человечество не заслуживает доверия.

Однажды под конец тяжёлого дня привезли беременную кошку. Она была истощена, с паразитами и явно нуждалась сначала в воде, покое и наблюдении. Давид решил не торопиться с операцией. Кошку оставили в клетке на ночь, дали жидкость и корм, а утром собирались оценить состояние заново.

Утром он вошёл в помещение и обнаружил совершенно довольную кошку. Рядом лежали пять котят.

До вечера обсуждалась стерилизация одной пациентки. К завтраку клиника получила шесть новых жильцов, пять новых проблем с пристройством и одну мать, которая явно считала, что выбрала лучший роддом из доступных.

— Она всё рассчитала, — сказал Давид. — Отдельная палата, питание, медицинское наблюдение. Ни одной формы заполнять не пришлось.

Ветеринарная медицина постоянно напоминает, что план

принадлежит человеку только до встречи с биологией. Врач назначает время операции. Кошка назначает роды. И если эти два расписания сталкиваются, последнее слово обычно остаётся за кошкой.

Котят согрели, проверили и вместе с матерью передали волонтерам. Начался поиск домов. Давид ещё несколько недель получал фотографии: один котёнок спал в детской кровати, другой освоил клавиатуру, третий вырос в профессионального похитителя носков.

Иногда судьбу действительно меняет одна ночь. Причём не только у кошек.

• • •

7. Кот из подпольного бара

Некоторые коты входят в переноску. Другие считают переноску оскорблением, клинику — территорией для захвата, а персонал — временно проживающими арендаторами.

Этого привезли волонтеры по программе помощи уличным животным. Он весил около десяти килограммов — не жира, а мышц, шрамов и жизненного опыта, накопленного в драках за территорию, еду и право смотреть на квартал сверху. Выглядел кот так, будто последние годы работал вышибалой в подпольном баре.

План был обычный: безопасная седация, осмотр, кастрация, вакцинация, обработка от паразитов, пробуждение и возвращение на знакомую территорию.

У кота был другой план.

Его доставили в ловушке. Пока клетку переносили в процедурную, защёлка сдвинулась на несколько миллиметров. Для обычного животного этого было бы мало. Этот увидел архитектурную возможность.

Дверца открылась.

Давид потом вспоминал следующие минуты отдельными кадрами: серое тело на столе; лоток инструментов в воздухе; администратор Майя, закрывающая дверь в приёмную и общающаяся посетителям о «небольшой технической паузе»; контейнер с ватой, превратившийся в белое облако.

— Не загоняйте его в угол! — крикнул Давид.

Команда пыталась направить беглеца плотным одеялом, не приближаясь и не усиливая панику. Кот перемещался быстрее человеческого решения: на шкаф, со шкафа на лампу, с лампы на холодильник. Наконец остановился под потолком возле маленькой форточки с решёткой.

Обычный кот решил бы, что выхода нет. Этот, вероятно, подумал: «Подержите мой корм».

Он прыгнул, вцепился в раму, протиснул голову, плечи и всё остальное — и исчез снаружи.

В клинике стало тихо.

— Всё закончилось? — спросила Майя.

— Для кота — успешно, — сказал Давид.

Через два дня волонтеры увидели его возле мусорных баков. Он ел и выглядел здоровым. Позже его всё-таки поймали — уже в более надёжную клетку и с заранее продуманным

протоколом. Процедуру провели без приключений.

Когда кота вернули во двор, он вышел, отошёл на несколько шагов и оглянулся. Давид не любит приписывать животным человеческие мысли. Но некоторые коты умеют сформулировать отношение одним взглядом и без помощи переводчика.

• • •

8. Померанец рабочей стороной

Есть собаки, которых привозят в клинику в состоянии «мы только что вытащили его из канавы». А есть померанцы. Померанец способен явиться так, будто через сорок минут у него фотосессия для обложки: круглая идеальная морда, рыжая шерсть облаком, хвост веером и выражение пациента, удивлённого отсутствием отдельного входа для важных персон.

Этот пёс вообще не собирался к ветеринару. Через два дня у хозяйки была свадьба дочери, и померанец должен был участвовать в семейной фотографии. Домой вызвали грумера — помыть, вычесать и довести гостя до состояния «достойн первого ряда».

Под невероятным подшёрстком грумер обнаружила повреждение кожи. Когда шерсть раздвинули, стало ясно, что проблема не косметическая. Под тёплым влажным мехом развилась рана, а одна предприимчивая муха успела отложить яйца. Появились личинки.

— Вчера там ничего не было! — сказала хозяйка.

Видно действительно ничего не было. Густая двойная шерсть померанца способна скрыть не только колючку, но и небольшой переворот. Вероятно, пёс поцарапался, начал вылизывать место, а летняя жара создала условия, которые понравились мухе гораздо больше, чем владельцам.

Давид обезболил пациента, выстриг шерсть, очистил рану, удалил личинки и нежизнеспособные ткани, обработал и ушил повреждение. Сообщение хозяйке было кратким:

— Всё вычистил. Собака в порядке.

На одном боку вместо безупречного мехового шара появилась заметная лысина. До свадьбы она не зарастала.

— Он всё равно будет на фотографиях, — решила хозяйка.

Фотографу объяснили, что у померанца есть рабочая сторона. Пёс принял это как должное: великие артисты тоже знают удачный ракурс.

Ветеринарная ирония состояла ещё и в том, что личинки мух, ставшие здесь проблемой, в других обстоятельствах специально выращиваются стерильными и используются для очищения сложных ран от погибших тканей. Природа редко делит инструменты на хорошие и плохие. Она только выдаёт их без инструкции, а людям приходится разбираться, в каком месте начинается медицина и заканчивается кошмар.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЧТО ЛЕЖИТ НА ПОЛУ, ТО МОЁ

Для обычной собаки прогулка — прогулка. Для лабрадора — выездная дегустация предметов, которые разумный организм не стал бы даже нюхать.

9. Полотенце номер четыре

В шкафу Давида лежал кусок серого полотенца в прозрачном пакете. Это было не вещественное доказательство и не музейный экспонат, а наглядное пособие по человеческому оптимизму.

— Наглядное пособие, — сказал он.

— По текстилю?

— По оптимизму.

Лабрадор Ральф вошёл в клинику медленно, с опущенной головой, хотя в обычные дни появлялся так, будто открывал собственный праздник. Хозяин шёл рядом и повторял:

— Он утром ещё махал хвостом.

Эта фраза звучала как просьба считать утреннее движение доказательством того, что ничего серьёзного произойти не могло.

Ральфа рвало. Он не ел, не мог удобно лечь и напрягал живот при прикосновении. Исследования показали, что в желудочно-кишечном тракте находится то, чего там быть не должно.

— Похоже на инородное тело, — объяснил Давид. — Возможно, понадобится операция.

— Доктор, не волнуйтесь, — сказал хозяин. — Он уже ел

полотенца.

Ветеринар со временем перестаёт удивляться предметам, которые могут оказаться внутри собаки, но продолжает удивляться спокойствию, с которым люди сообщают их биографию.

— Полотенца? — переспросил Давид.

— Да. Не одно. Раньше они как-то выходили сами.

— Сколько было раньше?

Хозяин посмотрел в потолок, считая.

— Три. Наверное.

— И после третьего вы не убрали полотенца?

— Убрали. Он достал из корзины для белья.

— Корзину не закрыли?

— Закрыли. Он открыл.

Ральф лежал на боку и выглядел как животное, которое не хочет участвовать в обсуждении собственных достижений.

На этот раз ткань застряла и вызвала непроходимость. Кишечник не является трубой с гарантированным выходом. Один и тот же предмет однажды проходит без последствий, а в следующий раз собирается складками, перекрывает просвет и нарушает кровоснабжение. Фраза «он уже это ел» доказывает только одно: до сих пор собаке везло.

Пока Ральфа готовили к операции, в приёмную привели молодого бордер-колли. Тот проглотил косточку от манго.

Майя посмотрела на расписание.

— У них сегодня соревнование?

— Возможно, — сказал Давид. — Побеждает тот, чей предмет сложнее объяснить страховой компании.

Полотенце удалось извлечь вовремя. Оно было серым, мокрым и совершенно не походило на вещь, ради которой стоило устраивать хирургический вечер.

Хозяин посмотрел на него в металлическом лотке.

— Это наше хорошее, — сказал он. — Для гостей.

— Теперь уже нет.

Ральф проснулся тяжело, но стабильно. Утром поднял голову, увидел хозяина и слабо стукнул хвостом по подстилке.

Хозяин заплакал.

Рассказывая мне это, Давид не смеялся над хозяином. Он вообще редко смеялся над людьми в той части истории, где они уже поняли цену ошибки.

— Люди могут выглядеть нелепо в начале случая и очень достойно в конце, — сказал он. — Хозяин не оправдывался. Спросил, как перестроить дом.

Они обсудили закрытые шкафы, корзину с надёжной крышкой, нагрузку и занятия, которые помогут Ральфу не искать себе работу в прачечной.

Через две недели пёс пришёл на контроль. В приёмной лежал рекламный коврик. Ральф сразу взял его край в рот.

Хозяин молча разжал ему челюсти.

— Мы работаем над собой, — сказал он.

— Над кем именно? — спросила я, разглядывая пакет с полотенцем.

— Это и есть главный вопрос профилактической медицины, — ответил Давид.

• • •

10. Рыболовный крючок

Восьмимесячный лабрадор был грустным. Для восьмимесячного лабрадора это уже симптом. Со вчерашнего вечера он не ел, постоянно сглатывал, вытягивал шею и несколько раз безуспешно пытался вырвать.

Давид начал собирать историю предыдущего дня. Семья ездила на рыбалку.

— Рыбу давали?

— Нет.

— Кости?

— Нет.

— Снасти дома разбирали?

Возникла пауза. Снасти разбирали. Одна небольшая рыбка лежала отдельно: в ней остался крючок, который хозяин собирался позже достать. Рыбка исчезла. Крючок проявил солидарность.

На рентгене в пищеводе светилося металлическое доказательство того, что лабрадор применил главный принцип своей гастрономии: сначала проглотить, потом выяснить состав блюда.

Рыболовный крючок — неприятное инородное тело. Бородка придумана именно для того, чтобы войти легко и не выйти обратно. Тянуть за леску опасно: можно глубже впить-

ся в стенку пищевода или порвать её. Пса ввели в наркоз, и крючок удалось удалить эндоскопически. Он зацепился за слизистую, но не пробил пищевод насквозь — редкая удача в истории, где исходная идея уже была неудачной.

Хозяин внимательно выслушал рекомендации и задал вопрос, который неизбежно задают владельцы лабрадоров:

— Как вы думаете, он понял, что нельзя есть рыболовные крючки?

Давид посмотрел на пациента. Тот уже следил за карманом ассистента, откуда пахло лакомствами.

— Этот вопрос находится далеко за пределами современной доказательной медицины.

Есть надежда, что боль учит. Есть лабрадоры. Эти две системы иногда пересекаются, но надёжной связи пока не установлено.

• • •

11. Нитка за три шекеля

Коты обладают редким экономическим талантом: они превращают предмет стоимостью три шекеля в операцию стоимостью несколько тысяч. На этот раз исходным капиталом была обычная швейная нитка.

Хозяйка подшивала брюки. Кот Моти сидел рядом и исполнял стандартные обязанности домашнего кота: мешал, охотился на движущуюся нить и периодически бил лапой по катушке. В какой-то момент нить исчезла. Хозяйка решила, что Моти потерял интерес. Моти считал, что перешёл к

практической части.

На следующий день он стал хуже есть. Затем появилась рвота. Потом кот лёг в характерной позе: «со мной всё прекрасно, я просто второй час смотрю в стену и ненавижу жизнь».

На УЗИ самой нитки почти не было видно, зато несколько петель тонкой кишки собрались складками, словно гармошка. Это классическая картина линейного инородного тела.

Обычный кусочек игрушки может двигаться по кишечнику как отдельный предмет. Длинная нить ведёт себя хуже. Один конец фиксируется под языком, в желудке или в начальном отделе кишки, а перистальтика продолжает продвигать содержимое дальше. Кишечник нанизывается на нить и собирается складками. Натянутая нить начинает работать почти как струна для резки сыра: давит на стенку, травмирует её и может вызвать перфорацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.